

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-213-225>

УДК 81'37+81'27

ББК 81

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Е. В. Каргаполова
г. Москва, Россия

© 2021 г. М. А. Симоненко
г. Москва, Россия

**РОЛЕВЫЕ ПОЗИЦИИ ЧИТАТЕЛЯ
В КОГНИТИВНОЙ СЦЕНЕ
«ВСТРЕЧА С ЛИТЕРАТУРНЫМ ПЕРСОНАЖЕМ»**

Аннотация: Предлагаемое исследование является результатом интеграции лингвистического и социологического знания. Обширная база данных, генерируемая в социологическом опросе, служит ценным материалом для последующего лингвистического анализа. Объектом предлагаемого исследования послужили высказывания респондентов, принимавших участие во второй волне конкретного социологического исследования студенчества в трех российских регионах — Москве, Волгограде и Астрахани. В анкету был включен вопрос «Какого литературного героя Вы бы хотели встретить в реальной жизни и почему?». Из полученных 869 развернутых ответов на данный вопрос было отобрано 224 высказывания, в которых в качестве желаемых участников воображаемой встречи выступали наиболее популярные среди респондентов персонажи. Моделирование когнитивной сцены «Встреча с литературным персонажем» осуществлялось на основе пропозиций с выделением основных компонентов — актантов (субъекта и объекта ситуации встречи) и предиката в роли семантической доминанты высказывания. С учетом эксплицируемых в пропозициях предикативных отношений были выявлены основные ролевые позиции читателей-интерпретаторов в когнитивной сцене. Сторонники пассивного наблюдения и оценивания формируют группы критиков, зрителей и слушателей. Приверженцы активного взаимодействия и манипулирования рассматриваются в качестве собеседников и со-участников события. **Ключевые слова:** когнитивная сцена, пропозиция, анкетирование, референт, денотативная ситуация, предикат, интерпретатор, литературный персонаж, виртуальная встреча.

Информация об авторах:

Екатерина Владимировна Каргаполова — доктор социологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Стремянный пер., д. 36, 115093 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>. E-mail: k474671@list.ru

Марина Александровна Симоненко — кандидат филологических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Стремянный пер.,

д. 36, 115093 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4594-1595>.

E-mail: MASimonenko@yandex.ru

Дата поступления статьи: 08.05.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Каргаполова Е. В., Симоненко М. А. Ролевые позиции читателя в когнитивной сцене «Встреча с литературным персонажем» // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 213–225. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-213-225>

Коммуникация между автором художественного текста и читателем традиционно рассматривается в терминах триады «автор-текст-читатель», данная система из трех взаимосвязанных составляющих оказывается в фокусе внимания специалистов в области лингвистики текста [2; 4; 19] и нарратологии [20; 22; 27], представителей когнитивной лингвистики [15; 23; 24; 25; 26] и психолингвистики [1; 6; 16; 21]. Подобное неконтактное коммуникативное взаимодействие посредством материального носителя — художественного текста — описывается в терминах *субъект-объектного общения* [18], *взаимодействия и противопоставления социокультурных контекстов* [17], *интеракции носителей литературного знания (literary minds)* [25], *интерсубъектных корреляций между концептуальными моделями текста в сознании автора-продюцента и читателя-реципиента* [6].

В когнитивной лингвистике и психолингвистике до сих пор недостаточно изученными остаются вопросы о том, какие опорные элементы внешнего (вербального) и внутреннего (концептуального) контекстов имеют приоритетное значение при формировании читательской проекции, какие роли в выстраиваемой проекции читатель отводит себе, какова динамика проекции в онтогенезе [15; 16; 21]. В свете сказанного предлагаемое исследование приобретает актуальность, поскольку авторами предпринимается попытка ответить на один из названных выше вопросов: основной задачей является определение ролевых позиций читателей-интерпретаторов в вербализуемом ими фрагменте целостной проекции текста. Выводы делаются на основе пропозиционального анализа вербальных высказываний читателей о воображаемой встрече с литературным персонажем. Исследование носит междисциплинарный характер: материалом для лингвистического анализа послужили высказывания участников социологического опроса, филологическая часть исследования выполнена в русле семантико-когнитивного подхода.

Одной из форм структурирования, когнитивной схематизации и развертывания читательской проекции текста как целостного образования является модель ситуации, в которой репрезентировано знание реципиента о стереотипных или уникальных событиях реального (или фиктивного) фрагмента мира [5]. На материале 180 проекций 12 художественных произведений Н. В. Рафикова делает заключение, что модель ситуации проявляется в двух функциях — как опорный элемент процессов понимания и как способ организации разных схем знаний, в том числе под влиянием читаемых текстов [16]. По мнению исследователя, читатель всегда включен в конструируемую им ситуацию и занимает в ней либо позицию участника события, либо внешнего наблюдателя [16].

Следует уточнить, что в лингвистике ментальный образ предметной (денотативной) ситуации обозначается целым рядом терминов: *образ ситуации* [12; 13; 21] *модель ситуации* [5; 16], *когнитивная модель ситуации* [11], *референтная ситуация* [10]. Наи-

более релевантным для целей нашей работы представляется понятие «когнитивная сцена» (КС), под которой понимается «репрезентация образа некоторой ситуации действительности (реальной или фиктивной, воображаемой), подлежащего выражению в языковой форме и являющегося референтом языкового выражения» [8, с. 25]. КС включает отдельные «эпизоды», в которых актуализируются пространственно-временной фон воспринимаемого фрагмента действительности, образы субъекта и объекта восприятия, а также связи и отношения между ними.

В языке структурно-семантическим субститутом КС являются пропозиции, составляющие основу конкретных высказываний и семантизирующие смысловое содержание КС. С точки зрения синтаксической семантики, пропозиция — «это семантическая конструкция, которая образована предикатом с заполненными валентностями» [7, с. 129]. Согласно семантико-когнитивному подходу, «пропозиция — это семантическая структура, в которой средствами языка раскрывается толкование, конфигурация, профилирование образа денотативной ситуации <...>, посредством пропозиции происходит кодирование некоей ситуации в виде предикатно-аргументной структуры» [9, с. 19]. Содержание КС представляет смысловую основу высказывания (КС — референт высказывания), а пропозиция — основа, каркас семантической структуры высказывания.

Фрагмент действительности — денотативная ситуация, в свою очередь, служит референтом для соответствующей КС [8; 9]. КС «Встреча с литературным персонажем» референциально соотносена с ситуацией виртуальной встречи с кем-то хорошо знакомым, однако знакомым заочно, по большей части из книг. В содержание КС входят области субъекта и объекта интерпретации — читателя и литературного героя, а также связи и отношения между ними. Пропозиция включает предикат и его аргументы, где предикат является ядерным семантическим компонентом конструкции.

Пропозициональное моделирование КС «Встреча с литературным персонажем» осуществлялось на материале ответов респондентов, участвовавших в масштабном социологическом исследовании «Круг чтения художественной литературы студенчества России». Метод сбора первичной информации — анкетирование. Разработчик инструментария — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г. В. Плеханова Е. В. Каргаполова. Первая волна исследования была реализована в феврале 2016 г. среди студентов вузов Астрахани (N=400) и Волгограда (N=400), вторая волна — в июне 2019 г. среди студентов вузов Москвы (N=2100), Волгограда (N=460) и Астрахани (N=400). Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Массив полученных данных обработан с использованием программных комплексов Vortex (2016 г.) и SPSS (2019 г.).

В ходе второй волны исследования в анкету были включены вопросы, требующие развернутого ответа. В качестве материала для лингвистического анализа мы использовали ответы на вопрос «Какого литературного героя Вы бы хотели встретить в реальной жизни и почему?». Включая данный вопрос в анкету, мы полагали, что симулирование ситуации реального общения через сведение в одной сцене реципиента текста и литературного персонажа даст ключ к пониманию ролевых позиций читателя в КС «Встреча с литературным персонажем»: сама формулировка вопроса содержала имплицитную установку на формирование соответствующей КС.

Было получено 869 развернутых ответов на указанный выше вопрос. В состав респондентов вошли представители студенческой молодежи в возрасте от 17 до 24 лет, это учащиеся как технических, так и гуманитарных вузов. Таким образом, респондентов объединяет принадлежность к одной социально-возрастной группе. Среди участников опроса были юноши и девушки (41,6% и 58,4% соответственно), однако в рамках данного исследования не ставилась задача дифференциации респондентов по гендерному признаку. Следует уточнить, что все участники, ответившие на вопрос «Какого литературного героя Вы бы хотели встретить в реальной жизни и почему?», указали в анкете, что читали то произведение, героя которого они избрали в качестве потенциального участника воображаемой встречи. Следовательно, вне зависимости от того, как давно была прочитана книга, концепт соответствующего текста хранится в памяти реципиента, поэтому с учетом задачи исследования и в целях акцентирования его филологической направленности мы используем понятие «читатель» для обозначения респондентов, авторов высказываний о виртуальной встрече с литературным героем. Из всего корпуса развернутых ответов были отобраны 224 высказывания, при отборе единиц для последующего пропозиционального анализа мы руководствовались фактором частотности упоминания имени литературного персонажа в качестве желаемого участника виртуальной встречи. В топе списка самых популярных персонажей (разумеется, среди респондентов) оказались имена, демонстрирующие все признаки прецедентности — способность формировать коллективный концепт, возобновляемость в дискурсе, ценностная акцентуация, символизация в коллективном сознании. Это герои как отечественной, так и зарубежной классики: Шерлок Холмс, Воланд, Родион Раскольников, Евгений Базаров, Григорий Печорин, Кот Бегемот, Александр Чацкий, Евгений Онегин, Наташа Ростова.

Сочетание социологических и лингвистических методов позволило получить объемную базу данных и осуществить интегрированное исследование с применением нескольких научных методик (анкетирование, моделирование КС на основе пропозициональных структур с выделением ролевых позиций субъекта-интерпретатора).

КС «Встреча с литературным персонажем» содержит знания об этапах и эпизодах типовой сцены встречи. Наряду с этим присутствие в качестве одного из коммуникантов фиктивного (литературного) участника вносит в КС дополнительные смыслы, ассоциации, связанные с фигурой персонажа, носителя социокультурных норм и ценностей, фокализатора, центральной фигуры соответствующего нарратива. На наш взгляд, ролевые позиции, занимаемые читателями в формируемой ими КС виртуальной встречи, мотивированы как репрезентациями типовых ситуаций, так и образом персонажа с закрепленными за ним индивидуальными и стереотипными представлениями и переживаниями.

Пропозиции переводят образы КС виртуальной встречи на язык синтаксической семантики, где выделяются константные элементы — актанты (субъект и объект ситуации) и предикат, который выполняет функцию организующего центра высказывания, связывая актанты и создавая в итоге целостную ситуацию. При этом главные участники ситуации могут быть «синтаксически невыразимы и находиться за пределами периферии, за кадром ситуации» [14, с. 58]. Например, *(Мне) нравится его (Онегина) характер*.

КС встречи с литературным героем чаще всего базируется на одной элементарной трехчленной пропозиции — *X интересен Y или Y (хочет) поговорить / послушать X*, где *X* — это персонаж, а *Y* — читатель (конкретный респондент). Например,

он симпатичен мне (о Воланде); (я хочу) поговорить с ним (о Раскольникове). Следует уточнить, что сочетание волитивного глагола «хотеть» с последующим инфинитивом образует одну единицу в составе пропозиции с акцентированием второго компонента, поскольку именно он фиксирует результат выбора; значение намерения в данном случае реализуется только «в контексте подчиненной предикации, обозначающей контролируемое действие» [14, с. 310]. Среди откликов респондентов встречаются более развернутые высказывания, инкорпорирующие несколько пропозиций: *Я бы вышла замуж за Чацкого... этот мужчина — идеал... рядом с ним я бы чувствовала себя живой... Он знал, во что верит (о Чацком)*.

Предикат является семантической доминантой в составе пропозиции и смыслообразующим центром референтной КС; индивидуальный выбор предикативной единицы, на наш взгляд, обусловлен в том числе и характеристиками — когнитивными, психоэмоциональными, социокультурными — субъекта, «режиссирующего» виртуальную встречу с литературным персонажем. По мнению В. Г. Борботько, «в зависимости от ракурсов, или модусов, отражения реальности глагол по-разному определяет статус и позицию субъекта высказывания, который может выступать как участник или наблюдатель действия, процесса» [3, с. 131]. С другой стороны, выбор предиката мотивирован фактором персонажа — с одними литературными героями хочется общаться, за другими лучше наблюдать, третьи вдохновляют на сотрудничество. Полагаем, что анализ предикативных отношений между двумя участниками воображаемой сцены встречи — читателем-интерпретатором и персонажем — дает ключ к пониманию ролевых позиций читателей в переживаемых ими ситуациях, а также выявляет ракурсы восприятия конкретных литературных героев в зависимости от избираемой тактики коммуникации.

Пропозициональный анализ отобранных нами высказываний подтверждает предположение о том, что в пространстве КС встречи с литературным персонажем авторы высказываний отводят себе определенные роли. Предпринятая нами классификация читателей по типу избираемых ими предикативных отношений с виртуальным коммуникантом строится на безусловном принятии положения о перманентной активности читателя в процессе интерпретационной деятельности [6; 12; 13].

В зависимости от типа предиката фиксируется степень вовлеченности субъекта-интерпретатора в сцену встречи с персонажем и выявляется определенный вектор его вербального поведения. В КС «Встреча с литературным персонажем» субъект высказывания проявляет себя в пяти ролевых позициях — это КРИТИК, ЗРИТЕЛЬ, СЛУШАТЕЛЬ, СОБЕСЕДНИК И СО-УЧАСТНИК СОБЫТИЯ.

Для высказываний «критиков» характерны пропозициональные структуры типа *X — умный / смелый / благородный (для Y), либо Y нравится X, либо Y любит в X ум / смелость / благородство, либо X (для Y) — это ум / смелость / благородство*. «Критики» артикулируют свое эмоциональное восприятие персонажа и отдают предпочтение предикативным прилагательным и глагольным предикатам с семантикой оценки. Примечательно, что сам субъект оценки, присутствуя в КС (поскольку понятно, от чьего имени высказывается оценка), в пропозиции часто представлен имплицитно. Например, *он очень умный; он гений (о Шерлоке Холмсе); он загадочный (о Воланде); он интересный и глубокий (о Раскольникове); восхищает его характер; нравится его позиция (о Базарове); нравятся взгляды его на жизнь; Печорин — человек чести (о Печорине)*.

В тех случаях, когда для вербализации оценки используется лексика, выражающая типичные представления о характеристиках партнера (интересный / неинтересный; умный / глупый), формирование КС происходит с опорой на стереотип ситуа-

ции встречи, включающий в качестве обязательного элемента первую эмоциональную реакцию на объект восприятия. Стереотипизация сцены встречи с литературным персонажем указывает на отстраненность субъекта-критика и неопределенность объекта оценки: в высказываниях «критиков» порой не представляется возможным идентифицировать конкретного персонажа: *он очень умный (о Шерлоке Холмсе); это крайне умная личность (о Воланде); умнейший человек (о Раскольникове); он умный человек (о Чацком)*.

Если КС содержит репрезентации образа героя в совокупности всех представлений и переживаний, связанных с конкретным прецедентным именем, КС вербализуется в таких высказываниях, которые конкретизируют сцену и идентифицируют объект оценки: *он — дьявол (о Воланде); он — нигилист (о Базарове)*. На уровне пропозиции конкретизация ситуации может происходить в зоне аргументов, указывающих на признаки объекта оценивания: *мне нравится его искусство делать выводы и анализировать; нравятся его аналитические способности (о Шерлоке Холмсе)*.

В общей выборке оценочные высказывания составляют 40%. Большинство оценочных реакций приходится на долю Печорина (20%). Условные «критики» присутствуют в КС виртуальной встречи, однако фокус внимания смещен на объект восприятия и его признак(и), «критик» же предпочитает оценивать своего визави со стороны.

К разряду «зрителей» и «слушателей» относятся респонденты, которые для выстраивания отношений с персонажем избирают перцептивные предикаты с семантикой визуального или аудиального восприятия. Высказывания строятся на основе пропозиции *У (хочет) увидеть / услышать X*. Например, *(я хочу) увидеть ее своими глазами (о Н. Ростовской); (хочу) услышать его мнение (о Чацком); (хочу) увидеть его в реальной жизни (о Коте Бегемоте)*. «Зрители» и «слушатели» по сравнению с «критиками» стремятся к сокращению дистанции между собой и персонажем — объект восприятия находится в пределах видимости / слышимости — и именно ему отдано право доминирования в ситуации виртуальной встречи по причинам, субъективно значимым для автора высказывания. Мотивом помещения персонажа в центр сцены могут служить его выдающиеся способности или знания: *(хотелось бы) наблюдать расследования; (хочу) увидеть работу этого гения (о Шерлоке Холмсе)*, либо симптомы угнетенного состояния героя, что требует эмпатии со стороны слушателя: *(хочу) послушать о его жизни; (хочу) послушать о терзаниях его души (о Раскольникове)*, либо особенности внешности или характера, вызывающие особое любопытство: *(хочется) увидеть существо, совмещающее в себе животную и человеческую натуру; (хотел бы) увидеть его в реальной жизни, как мифическое животное (Кот Бегемот)*.

Следует отметить, что высказывания с перцептивными предикатами немногочисленны (11%). Любопытнее всего респондентам увидеть Шерлока Холмса, а послушать Р. Раскольникова.

На более высокий уровень интимизации интерсубъектного взаимодействия выходят респонденты, в КС которых образы участников встречи связаны посредством акта речевой коммуникации, что на уровне пропозиций актуализировано предикатами говорения в качестве ядерных компонентов структуры: *У (хочет / интересно) поговорить / пообщаться / обсудить что-либо с X*. Например, *(мне интересно) с ним пообщаться; (хотела бы) порассуждать на тему нигилизма; (интересно) обсудить с ним его взгляды (о Базарове); (хотел бы) обсудить его теорию; (хотел бы) пофилософствовать с ним; (хочу) обсудить с ним его поступки (о Раскольникове)*. Респонденты из этой группы проявляют большую степень готовности к прямому диалогу; в сценарии

встречи с героем они отводят себе роль равноправных партнеров по коммуникации, отсюда эксплицируемое желание не только пообщаться, но и «пофилософствовать», «поспорить» и «подискутировать». Воображаемый предмет разговора в пропозиции выражен информативом, при этом не всегда содержится указание на конкретного собеседника: *(интересно) поговорить с ним о жизни; поговорить с ним об истории (о Воланде); обсудить его жизненный путь (о Р. Раскольникове); поговорить с ним о жизни человека (о Е. Базарове)*. В общей выборке высказываний, содержащих вполне очевидное коммуникативное намерение встретиться с героем, чтобы обсудить важные для респондента темы, достаточно много (23%). Среди наиболее востребованных собеседников — Воланд, Е. Базаров, Р. Раскольников.

Готовность к совместной деятельности, сотрудничеству с литературным персонажем демонстрируют респонденты из группы, которую мы условно назвали «со-участники» события. При этом артикулируется намерение научиться чему-либо у героя, реализовать совместное действие или даже оказать некое воздействие на героя. В пропозициональных структурах преобладают предикаты с семантикой действия, совершения и достижения: *У (хочет) узнать / понять / научиться чему-то у Х. Или У (хочет) помочь / вместе чем-то заняться с Х. Или У сделал бы что-то вместе с Х.* При этом позиционно маркирован компонент, выражающий либо содержание совместного действия, либо его результат; именно в этой части пропозиции осуществляется конкретизация личности второго участника встречи. Среди «со-участников» события различаются «ученики», «партнеры» и «манипуляторы».

Наиболее популярный среди «учеников» предикат «научиться» имплицитно подразумевает знание об определенном фрагменте события — получении нового знания, овладении новым навыком через совместный опыт: *(хочу) научиться у него дедукции; (хочу) научиться дедуктивному методу для применения в журналистике; он может научить меня видеть людей насквозь (о Шерлоке Холмсе); поучиться у нее жизнелюбию (о Н. Ростовой)*. Организующий сцену глагольный предикат указывает на направленность воздействия — литературный персонаж, выполняющий наставнические функции, оказывает влияние на читателя, который, в свою очередь, занимает ученическую позицию.

Вектор отношений между участниками встречи меняется, когда ядром пропозиции становятся предикативные единицы с семантикой активного действия: *вместе с ним раскрыть преступление; (хотелось бы) вместе провести расследование (о Шерлоке Холмсе); вместе обличать пороки (о Воланде); повеселиться вместе (о Коте Бегемоте); для совместного занятия музыкой и танцами (о Н. Ростовой)*. Референтом, смысловой основой высказываний является КС, в которой интересубъектные отношения переживаются как равноправные, партнерские.

Наконец, читатель (субъект действия в КС) сам становится активным манипулятором, оказывая воздействие на второго участника виртуальной встречи: *(хочу) показать ему настоящий «холод» в отношениях (об Онегине); (хочу) манипулировать им (о Печорине); (хочу) изменить его взгляд на мир (о Раскольникове)*. Таким образом, ролевая позиция «со-участника» события может актуализироваться в речи посредством разных вербальных стратегий. Активными создателями события себя видят 25% респондентов. На совместную деятельность стимулируют образы Р. Раскольникова, Н. Ростовой и Шерлока Холмса.

Немногочисленны, однако достаточно интересны высказывания с двумя предикатами, относящимися к разным семантическим группам. Последовательность предикатов отражает логику развития события в индивидуальной КС: *в ходе беседы я*

бы поняла и, может быть, приняла его позицию (о Базарове); (интересно) послушать о его философии из его уст и подискутировать на эту тему; (хотелось бы) его выслушать и помочь (о Раскольникове). Авторы данных высказываний демонстрируют намерение перейти от пассивного, отстраненного восприятия к активному взаимодействию с персонажем.

1% составляют развернутые высказывания, апеллирующие к нескольким эпизодам КС: (хочу встретить) Наташу Ростову, чтобы увидеть своими глазами, почему Толстой считал ее такой прекрасной, и составить собственное мнение, поскольку персонаж неоднозначен в своих действиях и поступках, не могу сложить четкую картину для себя (о Н. Ростовой). Заявляя о намерении личной встречи, желании разобраться в поступках героини и высказать собственное оценочное суждение, субъект КС реализует себя сразу в нескольких ипостасях.

Таким образом, на материале 224 высказываний о воображаемой встрече с литературным героем были определены основные ролевые позиции читателя-интерпретатора в формируемой им когнитивной сцене. Вывод о ролевых позициях респондентов был сделан на основе анализа эксплицируемых в пропозициях и вербализуемых в высказываниях интересубъектных отношений между двумя участниками виртуальной встречи. Предикат, выполняя функцию организующего центра пропозиции, становится концептуализатором когнитивной сцены.

Процентное соотношение выявленных ролевых позиций показано на рисунке 1.

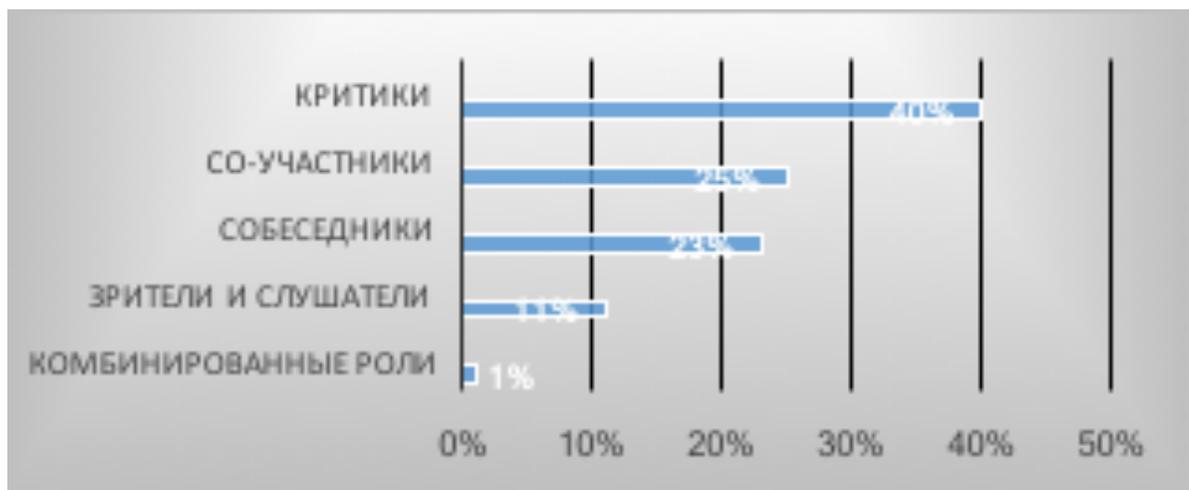

Рисунок 1 – Соотношение ролевых позиций читателей в КС «Встреча с литературным персонажем (в%)»
 Figure 1 – Proportion of role positions of the reader in a cognitive scene “Meeting with a literary character” (%)

Результаты фиксируют две противоположные интенции — с одной стороны, стремление «критиков» избежать личного контакта с персонажем, их отстраненность и незаинтересованность в диалоге, что проявляется в большом количестве повторяющихся оценок разных персонажей; с другой стороны, намерение «собеседников» и «со-участников» лично участвовать в событии и даже воздействовать на его ход. Примечательно, что в процентном отношении приверженцы активной позиции лишь незначительно уступают сторонникам тактики пассивного наблюдения и оценивания (48 vs 51).

Высказывания абсолютного большинства респондентов были построены на базе пропозициональных конструкций с одним предикатом. Конкретизация когнитивной сцены и идентификация второго участника встречи — литературного персонажа — осуществлялись за счет включения в пропозициональную структуру высказываний разного рода аргументов (информативов, результативов). Формирование когнитивной сцены происходило с опорой на индивидуальный опыт, включая стереотипы, субъективные представления и переживания, а фигура литературного героя часто служила эмоциональным триггером для актуализации собственных жизненных сценариев.

Проведенное исследование намечает векторы дальнейшего научного осмысления проблемы интеракции между автором и читателем через посредничество образа литературного персонажа. Корпус вербальных высказываний, полученных в ходе социологического опроса, позволяет расширить диапазон проблемных тем. Так, перспективным представляется когнитивное моделирование образа персонажа, определение его места и функции в ментальной проекции художественного текста. В целом, дальнейшее исследование специфики интерпретационной деятельности читателя возможно только посредством интегрирования знаний из разных сфер гуманитарной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белянин В. П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. 123 с.
- 2 *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста. М.: Флинта; Наука, 2009. 520 с.
- 3 *Борботько В. Г.* Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 288 с.
- 4 *Валгина Н. С.* Теория текста. М.: Логос, 2003. 250 с.
- 5 *Дейк Т. А. ван* Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
- 6 *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
- 7 *Касевич В. Б.* Введение в языкознание. М.: Издат. центр «Академия», 2011. 240 с.
- 8 *Колесов И. Ю.* К вопросу о роли понятия когнитивной сцены в концептуальном анализе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2 (015). С. 19–31.
- 9 *Колесов И. Ю.* Актуализация зрительного восприятия в языке: когнитивный аспект (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2009. 31 с.
- 10 *Кошелев А. Д.* Об основной функции естественного языка // Понимание в коммуникации: Тезисы докладов международной научной конференции. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, Научно-исследовательский вычислительный центр, 2005. URL: http://uni-persona.srcf.msu.ru/site/conf/conf_05/tesi05.htm (дата обращения: 02.05.2020).
- 11 *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- 12 *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- 13 *Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: КомКнига, 2007. 216 с.
- 14 *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- 15 *Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.

- 16 Рафикова Н. В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь: [б.и.], 1999. 144 с.
- 17 Рубакин Н. А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977. 264 с.
- 18 Сапрыгина Н. В. Психолингвистика художественного текста: коммуникация автора и читателя. Одесса: Астропринт, 2012. 336 с.
- 19 Тураева З. Я. Лингвистика текста. Текст: Структура и семантика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.
- 20 Тюна В. И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.
- 21 Чугунова С. А. Образ ситуации как медиатор процесса понимания художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 16 с.
- 22 Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
- 23 Brandt L., Brandt P. A. Cognitive poetics and imagery // *European Journal of English Studies*. 2005. No 9 (2). P. 117–130.
- 24 Crane M. T., Richardson A. Literary studies and cognitive science: Toward a new interdisciplinarity // *Mosaic*. 1999. No 32 (2). P. 123–140.
- 25 Freeman H. M. Cognitive linguistics approaches to literary studies: state of the art in cognitive poetics // *The Oxford Handbook of cognitive linguistics*. 2007. P. 1175–1240. DOI:10.1093/oxfordhb/9780199738632.013.0045
- 26 Jackson T. Questioning interdisciplinarity: Cognitive science, evolutionary psychology, and literary criticism // *Poetics Today*. 2000. No 21 (2). P. 319–347. DOI:10.1215/03335372-21-2-319
- 27 Prince G. Introduction to the Study of the Narratee // *Essentials of the Theory of Fiction*. London: Duke University Press, 1998. P. 313–335.

***

© 2021. Ekaterina V. Kargapolova
Moscow, Russia

© 2021. Marina A. Simonenko
Moscow, Russia

**ROLE POSITIONS OF THE READER
IN A COGNITIVE SCENE
“MEETING WITH A LITERARY CHARACTER”**

Abstract: The present study results from integration of linguistic and sociological knowledge. Rich database obtained through the sociological survey acts as valuable data for further linguistic investigation. As the study object we took the utterances of respondents who participated in the second part of the sociological survey with university students as target group; the survey was carried out in three Russian regions — Moscow, Volgograd and Astrakhan. One of the questions in the questionnaire was “What literary character would you like to meet in person and why?” The respondents gave 869 detailed answers. Out of the total number the authors selected 224 responses regarding the figure of the desired partner in the imaginary meeting. The priority was given to the literary characters with the highest rates of popularity among the respondents. Cognitive scene

“Meeting with a literary character” was modelled on the basis of propositions with focus on their permanent elements which are agent and patient of the situation and the predicate. Predicates performed the role of the semantic center in each utterance. Taking into account predicative relations within propositions, the authors identified main role positions the readers (interpreters) take in a cognitive scene. Those respondents who opt for passive observation fall into three groups — critics, viewers and listeners. The respondents who prefer interaction and even manipulation are seen as dialogue partners and co-workers in the event.

Keywords: cognitive scene, proposition, survey, referent, denotative situation, predicate, interpreter, literary character, virtual meeting.

Information about the authors:

Ekaterina V. Kargapolova — DSc in Sociology, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny per. 36, 117997 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>. E-mail: k474671@list.ru

Marina A. Simonenko — PhD in Philology, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny per. 36, 117997 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4594-1595>. E-mail: MASimonenko@yandex.ru

Received: May 08, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Kargapolova E. V., Simonenko M. A. Role positions of the reader in a cognitive scene “Meeting with a literary character”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 213–225. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-213-225>

REFERENCES

- 1 Belianin V. P. *Psikholingvisticheskie aspekty khudozhestvennogo teksta* [Psycholinguistic aspects of the literary text]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1988. 123 p. (In Russian)
- 2 Bolotnova N. S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2009. 520 p. (In Russian)
- 3 Borbot'ko V. G. *Printsipy formirovaniia diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike* [Principles of discourse formation: from psycholinguistics to linguosynergetics]. Moscow, Knizhnyi dom “LIBROKOM” Publ., 2011. 288 p. (In Russian)
- 4 Valgina N. S. *Teoriia teksta* [Text theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. 250 p. (In Russian)
- 5 Deik T. A. *van Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia: sbornik rabot* [Language. Cognition. Communication: collected works]. Moscow, Progress Publ., 1989. 310 p. (In Russian)
- 6 Zalevskaia A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniia. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text. Selected works]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 543 p. (In Russian)
- 7 Kasevich V. B. *Vvedenie v iazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Izdatel'skii tsentr “Akademiia” Publ., 2011. 240 p. (In Russian)
- 8 Kolesov I. Iu. K voprosu o roli poniatiiia kognitivnoi stseny v kontseptual'nom analize iazyka [Revisiting the role of the cognitive scene notion in conceptual language analysis]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2008, no 2 (015), pp. 19–31. (In Russian)
- 9 Kolesov I. Iu. *Aktualizatsiia zritel'nogo vospriiatiiia v iazyke: kognitivnyi aspekt (na materiale angliiskogo i russkogo iazykov)* [Actualization of visual perception in

- language: cognitive aspect: synopsis of the: DSc thesis, summary]. Barnaul, 2009. 31 p. (In Russian)
- 10 Koshelev A. D. Ob osnovnoi funktsii estestvennogo iazyka [On primary function of human language]. In: *Ponimanie v kommunikatsii: Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Cognition in communication: abstracts of international scientific conference]. Moscow, Izdatel'stvo MGU im. M. V. Lomonosova, Nauchno-issledovatel'skii vychislitel'nyi tsentr Publ., 2005. Available at: http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/conf_05/tesi05.htm (accessed 02 May 2020). (In Russian)
- 11 Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia* [Types of derivative meanings and mechanisms of language expansion]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 472 p. (In Russian)
- 12 Leont'ev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Basics of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p. (In Russian)
- 13 Leont'ev A. A. *Iazyk, rech', rechevaia deiatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 216 p. (In Russian)
- 14 Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexis semantics]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 608 p. (In Russian)
- 15 Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyi analiz iazyka* [Semantic and cognitive analysis of the language]. Voronezh, Istoki Publ., 2007. 250 p. (In Russian)
- 16 Rafikova N. V. *Psikholingvisticheskoe issledovanie protsessov ponimaniia teksta* [Psycholinguistic research into text cognition processes]. Tver', 1999. 144 p. (In Russian)
- 17 Rubakin N. A. *Psikhologiya chitatelia i knigi: Kratkoe vvedenie v bibliologicheskuiu psikhologiyu* [Psychology of the reader and the book: Brief introduction to bibliological psychology]. Moscow, Kniga Publ., 1977. 264 p. (In Russian)
- 18 Saprygina N. V. *Psikholingvistika khudozhestvennogo teksta: kommunikatsiia avtora i chitatelia* [Psycholinguistics of the literary text: interaction between author and reader]. Odessa, Astroprint Publ., 2012. 336 p. (In Russian)
- 19 Turaeva Z. Ia. *Lingvistika teksta. Tekst: Struktura i semantika* [Text linguistics. Text: Structure and semantics]. Moscow, Knizhnyi dom "LIBROKOM" Publ., 2009. 144 p. (In Russian)
- 20 Tiupa V. I. *Vvedenie v sravnitel'nuiu narratologiyu* [Introduction to comparative narratology]. Moscow, Intrada Publ., 2016. 145 p. (In Russian)
- 21 Chugunova S. A. *Obraz situatsii kak mediator protsessaponimaniia khudozhestvennogo teksta* [The image of a situation as mediator in the process of literary texts comprehension: synopsis of the thesis for PhD in Philology: PhD thesis, summary]. Tver', 2001. 16 p. (In Russian)
- 22 Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008. 304 p. (In Russian)
- 23 Brandt L., Brandt P. A. Cognitive poetics and imagery. *European Journal of English Studies*, no 9 (2), 2005, pp. 117–130. (In English)
- 24 Crane M. T., Richardson A. Literary studies and cognitive science: Toward a new interdisciplinarity. *Mosaic*, no 32 (2), 1999, pp. 123–140. (In English)
- 25 Freeman H. M. Cognitive linguistics approaches to literary studies: state of the art in cognitive poetics. *The Oxford Handbook of cognitive linguistics*, 2007, pp. 1175–1240. DOI:10.1093/oxfordhb/9780199738632.013.0045 (In English)

- 26 Jackson T. Questioning interdisciplinarity: Cognitive science, evolutionary psychology, and literary criticism. *Poetics Today*, no 21 (2), 2000, pp. 319–347. DOI:10.1215/03335372-21-2-319 (In English)
- 27 Prince G. Introduction to the Study of the Narratee. *Essentials of the Theory of Fiction*. London, Duke University Press Publ., 1998, pp. 313–335. (In English)